

Среди новгородских исторических памятников огромное внимание привлекают к себе сооружения Кремлевского комплекса. К сожалению, подавляющее большинство этих выдающихся памятников древности почти не исследованы, и литература о них содержит крайне недостаточные и противоречивые сведения.

Это — всем известные стены и башни Новгородского Кремля, звонница Софийского собора, Грановитая Палата и Евфимьевская часовня. Вследствие научной неразработанности этих вопросов среди исследователей до сих пор нет единства взглядов, а между тем мы располагаем вполне достаточными данными для решения вопросов датировки и исторической оценки отмеченных сооружений.

В настоящей статье мы не ставим своей задачей рассмотрение всех указанных памятников Кремлевского комплекса, а даем решение лишь для звонницы Софийского собора, некритически принятая ранее дата которой — 1439 г.¹ — не может не вызывать самых серьезных возражений, тем более, что вопрос идет не о формальной правильности и точности датировки, а об устранении опасных искажений в решении крупных исторических вопросов о взаимоотношениях Новгорода и Москвы в XV—XVI вв., а также и о характерных признаках новгородской и московской материальной культуры. При рассмотрении этого вопроса первостепенная роль принадлежит не только памятникам архитектуры и письменным источникам, но наряду с ними, выдающимся произведениям медно-литейного производства, совершенно исключительными коллекциями которых

¹ В Истории русского искусства под редакцией И. Грабаря (вып. 2-й, стр. 270), хотя и приводятся некоторые соображения о несоответствии сохранившихся форм Софийской звонницы с формами XV в., однако, ошибочно понятие, как увидим ниже, летописные тексты использованы для утверждения этой ложной датировки. А. И. Некрасов в Очерках по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. (изд. 1936 г., стр. 160—162) усугубляет неправильное решение этого вопроса, игнорируя смысл летописных данных, факты медно-литейного производства и прямые указания самих архитектурных форм.

располагают города-музсы: Новгород и Псков.¹ Изучение этих последних источников, до сих пор крайне недостаточно известных историкам и археологам, открывает новые важные страницы в истории русской материальной культуры, искусства и палеографии, а также дает полную возможность правильнее подойти к решению некоторых спорных, неясных и запутанных вопросов в истории древнерусской архитектуры.

В 1535 г. в Хутынском монастыре была построена тверскими мастерами церковь Григория Великие Армении с колокольницей и часами в одном месте. Церковь эта не сохранилась до наших дней; однако, летописные тексты дают отчетливое описание постройки. Это была столпообразная восьмигранная церковь со звоном паверху. „На ней же в версе и колокола установиша, два колокола больших; егда начнут звонити, яко страшным трубам гласящим, тако и прочие колокола уставиша“.² „А и прежде того была церковь того же святого каменна, по не велики высока и кругла яко столпы, противу северных дверей, и не велика, толко сажени единыя внутри и со алтарем; на пей же колоколы в версе бывали и прежних лет, но понеже не велики и некоторые лепоты не имуще“ (т. е., не имеющие никакой красоты).³

На новой церкви-колокольне в 1535 г. были повешены два больших колокола, поразившие современников своими размерами и мощной силой звука.

Прежде, с XV в., были в Хутынском монастыре маленькие колокола, и им вполне соответствовало небольшое сооружение, созданное архиепископом Евфимием в 1445 г.

Исследования по истории русской архитектуры уделяют очень большое внимание формам Хутынской постройки 1535 г.; однако, до сих пор не было еще ни разу сделано попытки объяснить назначение этого сооружения, исходя из данных медно-литейного производства, несмотря на прерывную и не требующую особых доказательств связь этих фактов.

Между тем, на ряду с хорошо известными летописными текстами, до нас дошла драгоценнейшая в историческом отношении надпись одного из двух колоколов, ради которых и была создана Хутынская церковь-колокольня 1535 г.⁴

¹ Богусевич В. А. Псковские литейщики XVI—XVIII вв. Проблемы истории докапиталист. общ. Г. А. И. М. К., 1934 г., вып. 9—10.

² П. С. Р. Л., т. VI, стр. 296, под 1535 г.

³ Там же.

⁴ Надпись издана: Макарий, Археол. описание церк. древн. в Новгороде, ч. II, стр. 279.

Один из этих колоколов, весом в 130 пудов, до 1933 г. находился в Хутынском монастыре.

Из надписи на нем мы видим, что он был отлит псковским мастером Михаилом Андреевым в 1532 г. для Хутынского монастыря. Отсюда совершенно очевидны причины описываемого строительства и отливки упомянутых огромных колоколов. Хутынский монастырь был проводником московской власти и влияния в Новгороде. На колоколе помещен довольно подробный титул московского „царя и государя всея Руси“.

Следовательно, могучий звон новых Хутынских колоколов в XVI в. являлся важным агитационным средством демонстрации московского могущества и власти в Новгороде.

Кроме того крайне важно отметить, что дата отливки колоколов для Хутынского монастыря предшествовала времени построения церкви Григория Великие Армении. Таким образом становится ясным, что размеры и назначение архитектурных форм этого сооружения были обусловлены возможностями медно-литейного производства; также очевидно, что пока не было больших колоколов, не могло быть больших звонниц и колоколен. Этот простой, но крайне важный, факт никогда не принимался в расчет исследователями архитектуры.

С особенной наглядностью и убедительностью эти положения, как увидим ниже, вскрываются при рассмотрении вопроса о назначении, форме и датировке звонницы Новгородского Софийского собора.

„Мастер преименита и славна града Пскова Михайло Андреев сын“, отливший Хутынские колокола, представляет из себя явление крайне интересное для истории русской промышленности и искусства XVI в.

Кроме отмеченного Хутынского колокола 1532 г. важнейшим материалом для суждения о его произведениях являются три сохранившиеся во Пскове колокола,¹ а также

¹ Во Пскове сохранились следующие колокола Михаила Андреева: а) колокол 20-х годов XVI в., находящийся на звоннице Псковской Варлаамовской церкви. Текст колокола издан у Васильева И. И. Археол. указат. Пскова. Зап. Русск. Арх. Об-ва, т. X, вып. 1 и 2, стр. 273.—Окулич-Казария Н. Ф. Спутник по древнему Пскову, стр. 192, 193; б) на Псковской Козьмодемьянской звоннице висит колокол 1547 г. Текст — см. Васильев И. И., ук. соч., стр. 271; в) в марте 1934 г. нами был найден на колокольне погоста Чирски Псковского района редчайший и ранее совершенно неизвестный колокол Михаила Андреева, с интересными изображениями Георгия, отмеченными нами в тексте. В 1935 г. этот колокол был перевезен в Псковский музей, где находится в настоящее время.

Прибодимая здесь надпись данного колокола является лишь продолжением текста несохранившегося парного колокола, несомненно

ряд опубликованных текстов колоколов его литья, уже погибших. В специальной работе нами было установлено местонахождение литейной мастерской Михаила Андреева во Пскове на Романовской горке у Похвальской церкви.⁴

Дальнейшая разработка вопроса позволяет нам сейчас выснить происхождение этого знаменитого литейного мастера.

Хутынский колокол и все другие известные нам колокола Михаила Андреева отличаются прекрасным шрифтом надписей и изяществом орнаментации, так поразившим современников.

Излюбленными орнаментальными мотивами нашего мастера являются виноградная лоза, деревья и молящиеся звери и волнообразный жгут с фантастическими зверями. Мотивы эти служат декоративным поясом на наружных стенках колокола. Особенно характерным признаком работы мастера Михаила Андреева является изображение Георгия, сражающегося со змеем.²

Это изображение можно рассматривать как своего рода марку данного мастера. Оно употребляется нашим мастером обыкновенно среди текста литой подписи, как в верхних, так и нижних частях колокола. Самым любопытным является то, что Георгий изображен в виде западно-европейского рыцаря в шлеме и латах; со змеем он борется пешим. Змей не является декоративным чудовищем русско-византийской живописи. Это — реальное чудовище; Георгий побеждает его в напряженной борьбе, прокалывая ему копьем горло. Такого изображения Георгия не знает русско-византийское искусство, где Георгий обыкновенно легко торжествует над змеем, сидя на коне; или же Георгий, как святой мученик, изображается стоящим с оружием во весь рост, или по пояс, уже без сцены борьбы, как „иконно-портретное“ изображение.

Георгий на колоколах мастера Михаила явно указывает на западно-европейский источник этого сюжета. Такого типа рыцари и змеи не редки для итальянского возрождения.

отлитого одновременно с известным нам. На другом колоколе несомненно была и общая для обоих дата. Надпись последнего читается так: „да при Луке Микитиве да при старосте губском при Костянтине Иванове и при сщнице Миките Иванове да при Михайле Нестерове и при диакопе Луки Софонтееве; а мастер примени(та) и славна града Пскова Михайла Андреев сын слава свершителю всхитрецу бгу единому премудрому строителю дшъ наших в веки веков амин“.

Мастер Михаил Андреев, первоначально священник Псковской Похвальской церкви на Романихе, работал в Пскове с 1520 по 1551 г.

¹ Богусевич В. А. Ук. соч.

² Колокол Псковского музея из погоста Чирски.

Уже одно это изобличает в „псковском“ мастере Михаиле Андрееве лицо, непосредственно связанное с итальянским искусством.

Очень знаменательны также другие изображения на колоколах Михаила. Так, среди текста вставляются круглые медальоны с поясным изображением б. м. с младенцем, вокруг головы б. м. лучи, характерные для западно-европейских икон. Встречается также изображение сфинкса.

На ряду с этим крайне важны орнаментальные мотивы, идущие в виде сплошного декоративного пояса по нижнему краю колокола. Здесь особенно интересен мотив волнообразно выходящей виноградной лозы с отростками и гроздьями винограда. Этот мотив был весьма распространен в декоративной бронзовой и каменной пластинке итальянского искусства XV—XVI вв. Встречается он также и в скульптурных работах итальянцев в начале XVI в. Эти мотивы мы видим, напр., в орнаментации портала Московского Благовещенского собора, в портале собора Кремлевского Чудова монастыря и др. памятниках.

Произведения Михаила Андреева, как мы отмечаем выше, отличаются высоким качеством сплава, простыми строгими и четкими формами, изящным шрифтом надписей и стильностью орнаментации.

Самым ранним фактом в деятельности Михаила Андреева во Пскове является отливка в 1520—1521 гг. двух крупных колоколов, в 100 и 200 пудов весом, для Псковского Спасо-Мирожского монастыря.¹

Двумя годами раньше известна присылка во Псков крупных колоколов из Москвы, что несомненно указывает на отсутствие во Пскове до 1520 г. большой медно-литейной мастерской. Это заставляет нас считать, что выполнением большого заказа для Мирожского монастыря в 1520 г. открывается деятельность крупной медно-литейной мастерской в Пскове, которая пользовалась огромной славой и в центре и на окраинах тогдашней Московской Руси.

Эта мастерская, которую мы называем похвальской, на протяжении многих десятилетий, при Михаиле Андрееве и при его преемниках, образцово выполняла многочисленные и разнообразные заказы крупнейших феодальных организаций Московской Руси XVI в.

Совершенно ясно, что Михаил Андреев приехал во Псков около 1520 г. из какого-то другого центра вполне сложившимся знаменитым и известным мастером. Откуда

¹ Надписи этих колоколов опубликованы: Васильев И. И. Археол. указ. Пскова. Зап. Русск. Арх. Об-ва, т. X, вып. 1 и 2, стр. 277.—Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову, стр. 236, 237.

он приехал и кто он такой? Он приехал несомненно из Москвы, где работали в то время известные итальянские техники и инженеры, и откуда в покоренный город прислали новые невиданные колокола взамен уничтоженных всечех.

Известно, что особенно выдающуюся роль в деле развития московской техники сыграл специалист, прекрасно владевший многими техническими профессиями, — знаменитый строитель, литейщик и чеканщик монет Аристотель Фиоравенти из Болоньи.¹

Еще в молодости по заказу властей Болоньи Аристотель отливал колокола для здания местной синьории. Известно также, что он принужден был уехать из своего родного города Болоньи и даже совсем из пределов Италии в далекую Москву, будучи обвинен в чеканке фальшивой монеты. Насколько было справедливо это обвинение, мы не знаем; гораздо важнее, что это является явным указанием на большое искусство Аристотеля в литье и обработке металлов. Сообщая о его приезде в Москву, русские летописи дают скудные сведения о его семейном положении, отмечая только, что он приехал со своим сыном Андреем.

В разгаре подготовительной деятельности по постройке Успенского собора в Москве Аристотель поддерживает связи с Италией и по поручению миланского герцога предпринимает большое путешествие на Север в далекий Соловецкий монастырь в поисках белых кречетов, которые затем были доставлены миланскому герцогу сыном Аристотеля Андреем. Все эти факты изложены в сохранившемся письме Аристотеля к миланскому герцогу.

Вот те немногие данные, которые до сих пор были известны о сыне Аристотеля Андрее.

Можно предполагать, что Андрею так же, как и его отцу, не удалось вернуться на постоянное жительство в Италию, а его поколение уже в значительной степени обрусело. В этом нас убеждает ряд фактов.

Мы считаем, что в силу профессиональных традиций ремесленных семей, Андрей унаследовал профессию отца, особенно в области литейного дела. По нашим предположениям в этом лежит разгадка итальянских традиций вудшего мастера Псковской похвальской мастерской Михаила Андреева, которого мы считаем внуком Аристотеля Фиоравенти. Отсюда происходит огромная известность Михаила Андреева в московских центрах и итальян-

ская основа его литейного искусства, осуществлявшего, конечно, чисто русский заказ в условиях производственных возможностей Московского государства.

Приведенные данные заставляют нас считать, что опытный и уже знаменитый мастер Михаил Андреев, приехавший из Москвы около 1520 г. во Псков, был никем иным, как внуком прославленного Аристотеля Фиоравенти и продолжателем итальянской техники и искусства в Московской Руси.

Переезд Михаила Андреева во Псков к 20-м годам XVI в. диктовался, очевидно, производственными и политическими мотивами.

Псков был центром, где в мирное время всегда была дешева привозная шведская медь и олово, главные материалы для медно-литейного производства. Кроме того, Псков был городом с развитыми ремесленными кадрами, быстро освоившими, как увидим в дальнейшем, новое производство. Наконец, для целей московской пропаганды были нужны многочисленные колокола для церкви северо-западного края, а также развитие на месте металлического производства для военных целей.

Ни самому Аристотелю, несмотря на просьбы болонских властей, вернуться в родной город, ни его потомству не удалось попасть обратно в Италию. Возможно, что Московское правительство не захотело отпустить на родину столь необходимых для него техников; несомненно также, что и последние находили русские условия более благоприятными для развития своей деятельности.

Для Аристотеля Фиоравенти и его потомства Россия сделалась второй родиной. Внук Аристотеля Михаил Андреев обрусел настолько, что ввиду, однако, неизвестных нам обстоятельств сделался православным священником. В 1520—1521 гг. мы видим Михаила Андреева священником Псковской церкви Похвалы б. м. на Романовской горке и одновременно главой крупнейшей во Пскове литейной мастерской, бывшей основным ядром псковской корпорации литейщиков, связанной с Похвальской церковью.

Дальнейшая биография мастера, раскрываемая текстами на сохранившихся колоколах его работы, дает новые штрихи предприимчивого и мятежного характера потомка итальянских выходцев.

Уже в 20-е годы XVI в. в надписи на колоколе, отлитом по заказу прихожан Похвальской церкви на Романихе, Михаил Андреев называет себя бывшим священником.¹

¹ Хрептович-Бутенев. А. Фиоравенти (Старая Москва, II).

¹ Колокол Псковской Варлаамовской звонницы.

Несомненно, что он расстригся и отдался уже целиком своей основной и более привычной для него профессии. В дальнейшем в текстах колоколов, сделанных им в 30-х и 40-х годах XVI в., Михаил Андреев неизменно именует себя „мастером преименита и славна града Пскова“.¹

Изучение изумительных произведений его литейного искусства вполне оправдывает это горделивое наименование, и с полным правом древние новгородские летописи прославляют невиданные качества его творений. Как увидим ниже, потомство и русские ученики Михаила Андреева были создателями типов звонниц, столь излюбленных псковским и новгородским зодчеством XVI в. Последним упоминанием о деятельности Михаила Андреева совместно с сыновьями является 1551 г., по данным записи колокола, сделанного по заказу Кирилло-Белозерского монастыря.² После этого года мы не нашли уже никаких данных о его работах, и можно предполагать, что около этого времени он умирает, проработавши во Пскове более тридцати лет, с 1520 по 1551 г.

Как мы отмечали выше, Михаил Андреев приехал во Псков зрелым мастером и, очевидно, ввозрасте не менее 25—30 лет. Таким образом, Михаил Андреев, по нашим данным, прожил не менее 55—60 лет.

Все основные сведения о его биографии и производственной деятельности мы черпаем преимущественно из колокольных летописей и анализа техники, иконографии и стиля его произведений. Кроме того, некоторые очень ценные указания дают новгородские летописи. Все эти данные освещают исключительно псковский период деятельности Михаила Андреева, оставляя, к сожалению, в неизвестности более ранний — московский.

Совершенно исключительной важности материал для истории колокольного литья в древней Руси и производственной деятельности Михаила Андреева дают Новгородские летописи под 1530 г.

Приводим полностью два варианта этого летописного известия: 1) „Того же лета и тоа ноши в настоящий час, егда бысть рождение государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, тогда в Великом Новеграде вылили колокол к соборной перкви святей Софии, повелением боголюбивого архиепископа Великого Новаграда и Пскова владыки Макария, велик добре, и такова величеством нет

в Новегороде и во всей Новгородской области, яко страшной трубе гласящи“; 2) 7038 (1530) года августа в 25 день „родися у великого князя сын... В ту же ночь, повелением преосвященного Макария архиепископа, а в настоящий час рождения его, слит бысть колокол ко святей Софии благовестник весом полтретьясто пудов, вельми велик, яко такова величеством не бывало в Великом Новеграде и по всей Новгородской области, яко страшной трубе гласящи“.³

Оба текста говорят об отливке невиданного по своему огромному размеру и удивительного по силе звука колокола впервые для Новгорода и всей Новгородской области. Второй текст сообщает вес колокола—в 250 пудов. Колокол был отлит в честь рождения Грозного. Некоторым преувеличением летописи является утверждение, что колокол отливался в самый момент рождения великокняжеского сына, хотя все работы и были уже подготовлены значительно раньше. Нам представляется несомненным, что мастером, который мог осуществить это необыкновенное в древней Руси литейное предприятие, мог быть только руководитель Псковской похвальной мастерской Михаил Андреев со своими братьями. Можно также считать, что отливка была произведена во Пскове, как это делалось при всех других заказах, выполнявшихся похвальскими мастерскими.

Кроме того, приведенные данные совершенно неопровержимо свидетельствуют, что до XVI в. Новгород не видал больших колоколов. Московские и псковские колокола были для него большой новостью. Следовательно, знаменитые новгородские и псковские вечевые колокола были очень невелики, подтверждением этому служат и другие факты, которые мы рассматриваем ниже. Также несомненно, что в эпоху новгородской независимости колокола были сравнительно редки, очень невелики и не всегда производились в самом Новгороде и новгородскими мастерами. В 1342 г. архиепископ Василий для отливки колокола к Софийскому собору пригласил мастера Бориса из Москвы. По всей вероятности это был иностранец; недаром в 1346 г. московская летопись упоминает отливку им в Москве трех колоколов больших и двух малых. На иностранное происхождение новгородских колоколов указывает также известие Новгородской летописи, рассказывающее о том, что в 1412 г. „у святого спаса на Хутыни в монастыре корсунские колокола сами о себе зазвониша“. Корсунскими

¹ Колокола погоста Чирски, Хутынской и Козьмодемьянской звонницы.

² Надпись на колоколе издана: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, стр. 180—181.

¹ П. С. Р. Л., т. III, стр. 148.

² Там же, стр. 248.

в древней Руси обычно назывались редкие по качеству мастерства вещи иностранной работы.

Весьма ценные наблюдения, вполне подтверждающие эти предположения, мы черпаем из изучения архитектурных форм новгородских построек XIV—XV вв. и из изображения их в древней живописи.

Отливка невиданного по своим размерам и звуку колокола для Новгорода даст теперь возможность разгадать неясный и запутанный вопрос о датировке и назначении звонницы Софийского собора, обычно смело, но ошибочно, датированной в большинстве путеводителей и работ по истории древне-русского зодчества 1439 г.¹ Это, однако, совершенно противоречит точному смыслу летописных записей. Под 1437 г. сообщается: „Той (же) весне вода подмывала у Детинца город, и оползевала от стены и падеся стена каменна и колокольница от Волхова“². Дальше под 1439 г. читаем: „Того (же) лета поставил архиепископ Еуфимий колокольницу каменну на старом месте, на городе, идеже падеся до основания“³. До 1437 г. звонница стояла на городской стене и была рассчитана лишь на небольшие колокола.

Таким образом, совершенно ясно, что дело идет только о восстановлении в 1439 г. звонницы старого типа, погибшей при падении каменной Кремлевской стены, подмытой наводнением 1437 г.

Отсюда понятно, что звонница 1439 г. не имела ничего общего с дошедшей до нас и представляющей не придаток крепостной стены, а самостоятельное сооружение со звонном, точная дата которого неизвестна⁴.

Однако, исходя из данных литейного производства и анализа летописных текстов, можно утверждать, что сохранившаяся до наших дней звонница Новгородского Софийского собора была специально построена для больших

¹ И. Грабарь. История русского искусства, в. 2, стр. 270.—Ласковский В., Новгород (Путеводитель и указатель).—Некрасов А. Н. Древне-русское зодчество, стр. 160—162.—Суслов В. Памяти древне-русск. искусства, изд. Акад. Худож., в. 2. 1909 г. Звонница Софийского собора в Новгороде.—Муравьев М. В. Новгород Великий. 1927.

² Новгородская летопись.

³ Там же.

⁴ Романов К. К. в работе: Звонница Тихвинского мон. (Изв. Арх. Ком., в. 36, стр. 119) считает, что звонница Софийского собора была выстроена в 1433 г. Однако, текст летописи Авраамки (П. С. Р. Л., т. XV, 696Б) излагает этот факт таким образом: „колокольницу каменну поставиша у стены Софии“, что явно указывает на постройку известной по древним иконным изображениям (напр., на Михайловском изображении Новгородского Кремля) колокольницы у юго-западного угла Софийского собора.

московских колоколов, появившихся в Новгороде лишь с 1530 г. Следовательно, раньше не было никакой надобности для устройства в Новгороде подобных сооружений при незначительности древнейших колоколов. Тип сооружений, подобных Софийской звоннице, особенно характерен для Пскова, где он получил в XVI в. исключительное развитие¹, которое стоит в несомненной связи с весьма оживленной экономической жизнью, развитым строительством и расцветом медно-литейного производства.

Во Пскове с 20-х годов XVI в. работали уже две медно-литейных мастерских: одна — Михаила Андреева и другая — его брата Тимофея Андреева. Ученик последнего, псковский мастер Прокофий Григорьев, к 40-м годам XVI в. открывает свою собственную мастерскую близ церкви Варлаама Хутынского во Пскове на Запсковьи. После смерти Михаила Андреева в его похвальбальной мастерской продолжают работать два его сына: Матфей и Кузьма. Об их деятельности осталось очень немного данных; однако, сохранившиеся во Пскове образцы их работ позволяют считать, что при них налаженное отцом производство сильно развивалось. Совершенно исключителен по форме и качеству отливки шрифта и орнаментации 200-пудовый колокол, находящийся на звоннице Псковской Боголюбской церкви, отлитый по заказу игумена Псково-печерского монастыря Корнилия в 1557 г.

Этот год чрезвычайно знаменателен в истории псковского медно-литейного производства, так как сохранившиеся данные позволяют довольно точно определить годовые размеры производственной деятельности трех крупнейших псковских ремесленных мастерских, которые в этом году были одновременно заняты выполнением большого заказа двух влиятельнейших монастырей древней Руси — Соловецкого² и Псково-печерского. Заказ первого из них был настолько велик, что не мог быть в течение одного года выполнен ни одним из трех псковских литейных предприятий. Общая сумма литейной продукции трех медно-литейных мастерских за 1557 г. составила около 1000 пудов бронзовых колоколов. Такова была годовая

¹ И. Грабарь, История русского искусства, в главе XI (Звонницы и крыльца) делает правильные замечания о невозможности развитых сооружений для звона в Новгороде и Пскове до XVI в. вследствие отсутствия до этого времени больших колоколов; однако при разборе конкретных фактов забывает это правильное положение и ошибочно датирует большинство псковских звонниц XV в.

² Досифей. Истор. и стат. описание ставр. первокл. Соловецкого мон., ч. 1, стр. 230—232.

продукция трех крупнейших ремесленных предприятий Московского государства в начале 2-й половины XVI в. Таким образом, колокола в 100, 200 и 250 пудов весом были невиданно крупными в пределах Новгородской области для первой половины XVI в.

Отлитые во Пскове колокола с большими трудностями доставлялись санным путем на огромные расстояния в Новгород, Соловки и Кирилло-белозерский монастырь.

К середине XVI в. Михаил Андреев с сыновьями добился отливки колоколов еще более значительных размеров. В самом конце своей деятельности и незадолго до своей смерти ему удалось сделать во Пскове для Кирилло-белозерского монастыря колокол весом в 400 пудов, который по всей вероятности был последней крупной работой Михаила Андреева, так как после этой даты нет никаких данных о его произведениях.

О деятельности преемников Михаила Андреева — его сыновей Матфея и Кузьмы — сохранилось немного фактов; однако, дошедшие до нас образцы их производства свидетельствуют, как отмечено нами выше, о высоких качествах их мастерства, не уступавших произведениям литейного искусства, вышедших из рук их отца.

Под 1552 г. I Псковская летопись рассказывает об отливке ими колокола весом в 164½ пуда для Псково-печерского монастыря общей стоимостью в 313 рублей.

Кроме колокола Богоявленской церкви мы располагаем данными о колоколе, отлитом Михайловыми детьми Матфеем и Кузьмой в 1567 г. для Псковского Троицкого собора.¹ Этот колокол, около 200 пудов весом, имел те же орнаментации, что и колокол Богоявленской церкви, близкий искусству Михаила Андреева. В колоколе Троицкого собора, так же, как и в колоколах Мирожского и Хутынского монастырей, работы Михаила Андреева, ясно видна прямая связь с московским правительственным заказом и московской пропагандой. Об этом свидетельствует колокольная надпись, содержащая титул московского царя.

Звонница Новгородского Софийского собора знала произведения детей Михаила Андреева, которые выполнили крупный заказ Новгородского Софийского дома, отлив в своих псковских мастерских колокол в 500 пудов весом. Таким образом, мы видим, что „Михайловы дети“ в 50-х

¹ Надпись этого колокола издана И. И. Васильевым: Археолог. указатель г. Пскова и его окрестностей. Записки Русск. Археол. Об-ва, т. X, вып. 1 и 2, стр. 244. Однако, при издании допущена серьезная ошибка; вместо стоящей на оригинале даты 7075 г. (1567 г.) ошибочно напечатано 7000 г. (1492 г.).

годах XVI в. значительно повышают размер и вес колоколов по сравнению с 20 и 30 годами XVI в. Несомненно, Грозный ценил искусство Михайловых детей не менее новгородского Софийского дома. В этом не оставляет никаких сомнений увоз Грозным в 1570 г. из Новгорода Пименовского колокола в Александровскую слободу. Об этом весьма красноречиво повествует III Новгородская летопись в следующих выражениях: „Того же лета поиде с великою яростию и злобою в Великий Новгород государь царь и великий князь Иоанн Васильевич... и колокол у святой Софии благовестник большой снял Пименовский, в немже 500 пудов весом, и к Москве свез в слободу Александрову“.

Колокол этот не дошел до нас, однако, к счастью, при переливке его в 1730 г. московским мастером Иваном Федоровым сыном Маториным была скопирована и перенесена на нижнюю часть своего колокола надпись „Пименовского“ колокола Михайловых детей. Из верхней надписи Маторинского колокола видим, что вес „Пименовского“ колокола уменьшился до 420 пудов. Оба текста колокола 1730 г.¹ крайне ценны для суждения о деятельности Псковской похвальной мастерской в 50-е годы XVI в., для датировки звонницы Новгородского Софийского собора, для истории взаимоотношений Новгорода и Москвы в середине XVI в., а также и для последующей истории самого „Пименовского“ колокола. Рассмотрение текста „Пименовского“ колокола вскрывает политические мотивы его отливки и убеждает нас в том, что Грозный вывез его

¹ Надписи изданы: „Ивановская колокольня в Москве“, изд. 2-е, Москва, 1893, стр. 30, 31. Надпись нижняя: „Лета 7064 (1555) сентября 8 дня. На честное рождество пресвятые богородицы в царство благоверного государя царя и в князя Иоанна Васильевича всея России, и сына его цесаревиче князе Иоанне и при пастве господина преосвященного Мамария митрополита всея России, поведением Пимена архиепископа Великого Новаграда и Пскова, а мастера Михайловы божию милостию пречистия богородицы, и молитвами святых великих чудотворцев: Иоанна. Евфимия и Ионы архиепископов новгородских, слить былъ сей колоколь въ богоспасаемый Великий Новград къ святой соборной церкви Софии премудрости божией“. Верхняя надпись: „Во славу пресвятые троицы отца и сына и св. духа, поведением благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийския вылит сей колоколь в царствующем граде Москве к соборной велицей церкви пресвятые богородицы честнаго и славнаго ея успенья и великихъ чудотворцев: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, при святейшем правительствующем синоде, в лето от сотворения мира 7238, а от рождества по плоти бога слова 1730 в первое во вступлении на престол державный ея императорского величества, а сей колокол вылит из старого на котором значит внизу подпись таковая: а лил сей колокол мастер Иван Федоров сын Маторин, весу 420 пуд“.

в Москву, движимый не одними только эстетическими побуждениями, но исходя из серьезных политических соображений. По сравнению с текстом колокола Михаила Андреева 1532 г. для Хутынского монастыря резко бросаются в глаза в „Пименовском“ колоколе его детей большая разница московских отношений к Новгороду в 50-х годах XVI в. по сравнению с более ранним периодом. Колокол Софийского собора 1530 г. и Хутынский 1532 г. подчеркивали власть московского государя над Новгородом. Колокол 1555 г., отлитый в эпоху приобщения повгородских политических деятелей эпохи независимости к общерусскому пантеону, являлся несомненно орудием данного направления московской политики. На ряду с указанием московского царя, царевича, митрополита Макария с архиепископом Пименом прежде всего отмечается, что колокол был слит „молитами святых великих чудотворцев: Иоанна, Евфимия и Ионы архиепископов новгородских“; не следует забывать, что это было время начала Ливонской войны, требовавшей сплочения всех сил Московского государства.

Вполне понятно, что как только этот московско-новгородский компромисс был нарушен боярскими интригами в эпоху разгара Ливонской кампании, Грозный был вынужден прибегнуть к террору и вывозке в Александровскую слободу столь знаменательного для предшествующего времени колокола, который из Александровской слободы попадает затем в Москву, где и погибает в эпоху Анны Иоанновны. Грозный, однако, не пожелал остаться в долгу у Новгорода и через два года после увоза „Пименовского“ колокола, т. е., в 1572 г., дарит Новгороду сделанный специально для него в Александровской слободе новый колокол, отлитый мастером Иваном Афанасьевым.

Работы, произведенные в конце 1936 г. и в начале 1937 г. Новгородскими Государственными музеями, позволяют осветить конструкцию, тип и строительную историю Софийской звонницы совершенно иначе, чем это делалось до сих пор. Первоначальная форма этой постройки представлялась в виде высокой стены с поставленными на ней столбами, соединенными арками. Казалось, что стена, несущая звон, первоначально не имела никаких пристроек, ни с западной, ни с восточной стороны, т. е., между Кремлевской стеной и стеной звонницы должен был находиться свободный и широкий проход, впоследствии сильно заваленный различного рода строительным мусором. Ни у кого не может вызвать никаких сомнений, что большие помещения и крыльцо западного фасада звонницы могли быть сделаны

раньше середины XVII в. Это совершенно очевидно потому, что хорошо виден шов, разделяющий обе постройки. Заметно, что звонница сложена из плиты, а западная пристройка — из кирпича. Орнаментации западной пристройки — многоуступчатые ширинки и пятиугольные впадинки — также говорят за XVII в. Пристройка XVII в. коренным образом изменила характер и первоначальный архитектурный замысел Софийской звонницы, который легко обнаружился благодаря счастливому открытию трех больших камер, до сих пор скрывавшихся под горами мусора, лежащими высоким бугром между центральной стеной звонницы и Кремлевской крепостной стеной¹.

Становится ясным, что первоначальная Софийская звонница имела три большие камеры, входившие в первоначальный состав ее конструкции, и расположенные к востоку от стены, несущей звон. Эти камеры не могут быть рассматриваемы как пристройки к части, несущей звон; но являются органической, необходимой и целесообразной конструкцией многопролетных звонниц, хорошо известных Пскову. Боковые камеры служат как бы контрафорсами для стены со звоном. Восточные камеры Софийской звонницы были покрыты коробовыми сводами, сложенными из кирпича. Несомненно они были защищены от осадков односкатной или двухскатной крышей. В первом случае крыша должна была иметь скат к Кремлевской стене и быть с ней общей для спуска воды на наружную сторону городской стены. Это наиболее вероятный вариант крыши над камерами звонницы и Кремлевской стеной, тем более, что восточная стена камер звонницы срослена с Кремлевской. Кроме того такой тип покрытия наиболее обычен для больших псковских звонниц 50-х и 60-х годов XVI в., вполне соответствующих типу Софийской. Менее вероятен другой вариант первоначальных кровель над камерами Софийской звонницы, — покрытие на два ската — на север и на юг, так как эти крыши было бы трудно согласовать с деревянными, обращенными внутрь, навесами над Кремлевской стеной.

Таким образом, совершенно очевидно, что первоначально Софийская звонница стояла лицом к площади, у южной стены Софийского собора, и, так сказать, спиной к восточной Кремлевской стене.

¹ Работы по расчистке восточных камер Софийской звонницы производились А. А. Строковым, и результаты данного исследования подготовлены им к печати.

Дата первоначальных форм Софийской звонницы определяется в первую очередь историей псковско-новгородского медно-литейного производства, а также псковскими аналогиями этого строительного типа, относимыми, как покажем ниже, к 50-м и 60-м годам XVI в. Технические детали конструкции Софийской звонницы и орнаментации Софийской звонницы в свою очередь подтверждают эту датировку. Арки между столбами имеют крестовые своды, стены звонницы и ее камеры облицованы кирпичем, арки и фасады украшены килевидными арочками и пятиугольными впадинками. Все это больше всего говорит за XVI в. Эти орнаментации на западной стене звонницы оказались уже к середине XVII в. закрытыми западной пристройкой к звоннице.

Несомненно восточные камеры Софийской звонницы в XVI и XVII вв. имели утилитарное назначение. По всей вероятности они служили для хранения боевых припасов Новгородского Кремля. В наружной южной стене камер есть дверь, приведенная в бездействие пристройкой в XVII в. каменного дома, примкнутого в это время к южному фасаду Софийской звонницы.

Принимаемый тип покрытия восточных камер Софийской звонницы прекрасно подтверждается изображением Новгородского Кремля на Никоновском омофоре, датруемым серединой XVII в. Здесь Софийская звонница представлена с большой односкатной крышей с уклоном к восточной Кремлевской стене¹. Только в XVIII в. восточные камеры Софийской звонницы были заброшены и засыпаны землей.

Звонница Софийского собора в Новгороде не может рассматриваться изолированно от строительства сооружений подобного типа, весьма интенсивно развивавшегося во Пскове. Данные литейного производства также приводят нас ко Пскову. Следовательно, кроме указанных нами выше письменных источников и наблюдений над колоколо-литейным производством совершенно необходимо привлечь для исследования многочисленные псковские звонницы, вопрос о датировке которых никогда не подвергался специальному изучению в связи с историей медно-литейного дела и до сих пор совершенно не увязан с конкретной исторической обстановкой, несмотря на ряд возможностей для решения этой задачи.

¹ Манулевич Л. А. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода. Сборн. Новгор. Об-ва Любит. Древн., в. III.

Чрезвычайно близки по типу к звоннице Новгородского Софийского собора три дошедшие до нас псковские сооружения. Это — звонницы Псковской Пароменской и Бого-явленской церквей, также звонница Псково-печерского монастыря. Кроме того, мы располагаем еще прекрасным изображением многопролетной псковской звонницы на иконе XVII в. с изображением Крыпецкого монастыря, находящейся в соборной Псковской Государственного музея.

Звонница Пароменской церкви¹ имеет пять пролетов различного размера, шесть столбов, связанных арками и поставленных на высокую массивную каменную стену, к которой с западной стороны примыкают три большие складочные помещения, расположенные в два яруса. Одна большая камера без сводов находится вверху. В нее ведет большая каменная лестница через вход, расположенный по середине восточного фасада звонницы, обращенный к р. Великой. Слева от этого входа в восточной стене звонницы идет узкая и крутая каменная лестница под ступенчатыми сводами, выводящая на крышу звонницы к колоколам. В восточной стене описываемого сооружения по сторонам центрального входа на уровне земли находятся два входа и две крытых коробовыми сводами камеры, разделенные толстой каменной стеной, по которой и идет центральная лестница в верхнее внутреннее помещение Пароменской звонницы. Таким образом мы имеем большую, рассчитанную на крупные колокола многопролетную звонницу, связанную со складочными помещениями, находящимися в ее нижних частях. Товарные склады при звоннице церкви прекрасно объясняются характером ее местоположения при трех сходящихся к плывучему мосту через р. Великую основных улицах Завеличья во Пскове — Изборской, Бамихе и Ивановской. Неподдалеку отсюда на Завеличье находился немецкий гостиный двор. Развалины каменных XVII в. сооружений последнего сохранились до сих пор на углу Конной (б. Изборской) и Интернациональной (б. Продольной) улиц.

Псковская I летопись, сообщая о сильном пожаре в 1521 г. у только что выстроенной каменной Пароменской церкви, совершенно точно указывает, что в это время звонница данной церкви была деревянной и на ней висели небольшие, расплавившиеся во время пожара колокола. К этому времени, как мы знаем, относится начало деятельности во Пскове медно-литейной мастерской Михаила Андреева и, как мы полагаем, устройство звонницы Мирожского собора.

¹ Фотографии см.: И. Грабарь. История русского искусства, в. 2, стр. 265.—Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову, рис. 51.

Таким образом, время построения звонницы Пароменской церкви может быть поставлено только после 1521 г. К сожалению, из древних колоколов звонницы к 1933 г. оставалось лишь два. Один из них, не более 10-ти пудов весом, относится к 50-м годам XVI в. и был вылит мастером Степаном Лавровым, а другой, весом около 200 пудов, был отлит в 1578 г. литейщиком Логиним Семеновым по распоряжению Иоанна IV в честь посещения им завоеванных ливонских земель¹. Несомненно последний был повешен на звонницу, существовавшую уже раньше и рассчитанную уже и до него на подвеску нескольких больших колоколов, весом в 100—200 пудов.

На основании высказанных нами выше соображений по вопросу о датировке звонницы Новгородского Софийского собора, а также анализа исторических данных и других псковских звонниц типа Пароменской, мы находим возможным утверждать, что сооружения этого типа следует относить к 50-м и 60-м годам XVI в., так как раньше и позже этих дат в московских, новгородских и псковских землях Москва предпочитает церкви под колоколами. Нам представляется наиболее правильным расценивать звонницы типа Софийской и Пароменской как попытку московского политического компромисса с местными новгородскими и псковскими традициями. Однако строительство это дало все же новые и невиданные по своим размерам сооружения, вызванные к жизни крупным размахом русского колокольного дела в XVI в.

Несимметричное расположение столбов, их различная толщина и неравномерность арочных пролетов между ними в Пароменской звоннице так же, как и в других, объясняются в первую очередь не особенностями стиля, но приспособлением их к развеске наличных колоколов разного веса и размера. Для больших и особо ценных колоколов делались наиболее широкие пролеты, наиболее могучие столбы и арки. Таким образом все это целесообразно обусловлено реальными функциями звонниц, и для них совершенно недостаточны неизменно приводившиеся до сих

¹ Надпись этого колокола, впервые прочтенная и издаваемая нами, следующая: (На плечах) „Бжію млітню і прятія яго матере стылі і живоначалныя троїца помоху іста з і шеста (7086). (1-я строка сверху): мпа мапа въ 9 день слить был колоколь сєи в преименитом и славном граде Пскове к усепению прчтыє. (2-я строка сверху): бци на Завєличье повелєніє(м) гдря і прія и великого князя Иваца Васильевича всеа Русіи. (3-я строка внизу) а приказать гдрь прь тот колоколь слити как пришел гдрь прь і сьє его првичь Ивац Иванович із немецкие земли во Псков мастеръ Логинъ слава свершителю бгу амиш.

пор в искусствоведческой литературе однобокие и неверные эстетические оценки.

Большая звонница с семью столбами и шестью пролетами богатейшего Псково-печерского монастыря может быть довольно точно датирована 50-ми годами XVI в., т. е., временем наиболее интенсивной строительной деятельности игумена Корнилия, так как в это время заготавливаются крупные колокола для данной звонницы и идет строительство грандиозной монастырской крепости, превратившей Печеры в сильнейший пограничный оплот Московского государства.

В 1552 г. заказ Печерского монастыря на крупные колокола выполняют две большие псковские литейные мастерские. Сыновья Михаила Андреева Матфей и Кузьма отливают для Печер колокол в 164½ пуда весом за 313 р. Мастера Кузьма Васильев и Логин Семенов одновременно сделали в том же 1552 г. для Печерского монастыря колокол около 161 пуда. Летопись, сообщая об изготовлении этих двух колоколов, дает ценные сведения о составлении сплава колокола Козьмы Васильева и Логина Семенова. Этим мастерам было дано „в дело“ свыше 154 п. меди и около 36 пудов олова. Конструкция арочных столбов Печерской звонницы вполне отвечает необходимой подвеске двух больших колоколов отливки 1552 г. Они и сейчас находятся на данной звоннице в двух смежных крайних пролетах.

Несомненно, что отливка двух больших колоколов известными псковскими мастерами была крупным событием в жизни Псково-печерского монастыря, и потому эти факты были занесены в список Псковской летописи, принадлежавшей данному монастырю.¹

Очевидно также, что до этого времени монастырь не имел таких больших колоколов.

Так же, как и у других больших звонниц этого времени, с одной стороны к стенке, несущей звон, к Печерской звоннице примыкают большие складочные помещения, вы-

¹ Псковская I летопись. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 318. „Лета 7060 колокол слили мастера Матфейко да Коземка Михайловы, весом 16 берковск и пол 5 пуда больших и 4 гривенки, а денежною проторою стал 313 рублей московских и 11 денег московских; и того же лета слили в Печерской же монастырь новой колокол, а вышел из дела весом 16 берковск да пуд большой без 5 гривенок, а всей меди дано было мастером в дело 15 берковсков и 4 пуда больших и 12 гривенок, а олова 3 берковсков и 6 пудов больших и 8 гривенок, а слили колокол мастера Козма Васильев да Логин Семенов“.

строенные одновременно с конструкцией для подвески колоколов.¹

Большая четырехпролетная звонница Псковской Богоявленской церкви на Запсковьи как нельзя лучше иллюстрирует зависимость своей конструкции от приспособленных к ней колоколов². До сих пор там находятся 3 колокола XVI в. Особенное значение для суждения о Богоявленской звоннице имеет 200-пудовый колокол 1557 г., работы Михайловых детей Матфея и Кузьмы.³ Для его подвески приспособлены два наиболее могучие южные столба звонницы. Для остальных малых колоколов предназначены пролеты меньшего размера с более слабыми столбами. Описываемая звонница и отмеченный колокол относятся несомненно к явлениям того же порядка, что и новгородская Софийская звонница с „Пименовским“ колоколом. Таким образом датировка Богоявленской звонницы падает на конец 50-х годов XVI в. и связана с эпохой Ливонской кампании Грозного.

В архитектурном отношении Богоявленская звонница отличается близостью форм к Пароменской звоннице, имея, однако, во внутренних частях несколько более простое устройство. Отсутствует лестница в толще стены, несущей звон. Контрафорсом служит с восточной стороны звонницы камера, перекрытая коробовым сводом, пята которого спускаются к западу и востоку. Конструкция эта крайне логична и проста. Восточные помещения звонницы имеют второй этаж, лишенный сводов. В этом этаже расположены марши деревянной лестницы, выводящие на крышу к столбам звона.

Крайне простая и логичная конструкция Богоявленской звонницы, отличавшейся первоначально чрезвычайно легкими и изящными формами, впоследствии была несколько на-

рушена примкнутым к западному фасаду массивным выступом, в котором была сделана лестница во второй этаж.

Одновременно этот массив должен был служить дополнительным контрафорсом.

Кроме трех описанных больших псковских звонниц, прекрасно сохранившихся до наших дней, сохранились также нижние части звонницы Псковского Крыпецкого монастыря и любопытные изображения этой звонницы с видом данного монастыря на иконе Саввы Крыпецкого с житием из собрания Псковского музея. Исследование архитектурных памятников б. Крыпецкого монастыря, произведенное мной в 1933 г. на месте, вполне совпадает с изображением их в четырех клеймах жития на иконе Саввы Крыпецкого из собрания Псковского музея. Весь комплекс древнейших каменных зданий Крыпецкого монастыря был выстроен в первую половину 50-х годов XVI в. В это время был создан единый архитектурный ансамбль, включивший в себя: собор, придельную церковь, трапезную палату с восьмигранным верхом и стену с многопролетной звонницей. Эта стена со звонницей и кладовыми, расположенными у нее внизу, со стороны монастырского двора, служила соединительным звеном между собором и трапезной. Все отмеченные сооружения служили одновременно частью монастырской ограды и образуют в плане фигуру, похожую на букву П. Другие части ограды монастыря были деревянными, сейчас столбов с арочной конструкцией для звона в Крыпецком монастыре не существует; однако, иконное изображение прекрасно дополняет несохранившиеся части и дает нам возможность видеть большую многопролетную звонницу с пощипцовым покрытием, предназначенную для тяжелых колоколов.

Изучение звонницы Новгородского Софийского собора и больших псковских звонниц приводит нас к твердому убеждению о единстве типа этих сооружений, относящихся к 50-м и 60-м годам XVI в. и характерных для новгородско-псковского зодчества, и прежде звавшего звонницы малых размеров для небольших колоколов. В строительстве больших звонниц нового типа прекрасно выразились объединительные тенденции Москвы, крайне нуждавшейся в общерусском единстве для ожесточенной борьбы с западными соседями за берега Балтийского моря.

Москва весьма умело использовала местные новгородские и псковские традиции, в том числе и архитектурные, для целей своей пропаганды, одним из средств которой был могучий колокольный звон и огромные звонницы, затмившие прежние небольшие сооружения подобного рода эпохи независимости.

¹ Изображения звонницы Псково-печерского мон. см.: И. Грабарь, История русского искусства, в. 2, стр. 269.

² Фотографии Псковской Богоявленской звонницы см. И. Грабарь, История русского искусства, в. 2, стр. 266; Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову, рис. 37.

³ Надпись этого колокола, впервые прочтенная и издаваемая нами, следующая: „Божією млстію и пречсіа его боготре чїна и слана сіа успенїа и мїтвами прибїных и богоносных отць Антонїа и Федосїа пещерских и стых великомчнк м (40) иже в Севастїа при державе прства благовернаго и христолїубиваго прїа великого князя Іана Васильевича всеїа русїи лета з шездесїа е (7665) го июля въ к (20) день на памя стго пророка Ілїи слїт был колокол сі во обїтель успенїа прсїна бцї боготсозданные Печеры повеленнем игумсена Корнїлїа иаже о хр з братею; а мастера Михайловы дети Матфей да Кузьма; слава свершителю бгу аминь“.

Отсюда понятно, почему дошедшие до нас звонницы — сооружения московского периода — особенно характерны для зодчества Пскова и Новгорода в XVI в.

Фото 12. Деталь орнамента и надписи на колоколе (1532 г.)
из Хутынского монастыря
